

государственная власть внутри страны по кругу своих задач в возрастающей мере «минимизировалась», т.е. [сводилась] к тому ограниченному [кругу], что, безусловно, требовали непосредственные «государственные соображения». Континентальные государства (Staatsgewalten) периода начала Нового времени оказались, естественно, сплошь в руках тех государей, кто решительнее всех вступил на путь бюрократизации. В материальном отношении повсюду в них частично небюрократическая форма структуры государства была уравновешена намного более развитой бюрократической структурой политически действительно господствующих образований (Gebilde) – партиями под руководством профессиональных специалистов (professionals) по организации и по тактике предвыборных кампаний. Для выяснения значения чистого количественного фактора как рычага бюрократизации социальных образований ярчайшим примером служит как раз таки растущая бюрократическая организация всех подлинно массовых партий, к которым у нас относится, прежде всего, социал-демократия, а на Западе в наибольшем масштабе – обе «исторические» американские партии.

Продолжение следует.

Перевод с немецкого А.Б. Рахманова

Примечания

1. Здесь и далее выделение фрагментов текста мелким шрифтом принадлежит М. Веберу, который таким образом подчеркивает преимущественно историко-эмпирические отступления, поясняющие и иллюстрирующие его теоретические представления. – *Прим. переводчика.*

2. Пребендальный (от лат. *prebenda*) – связанный с доходами церкви и духовных лиц, получаемых от использования недвижимого церковного имущества, церковных сборов и т.д. (Западной Европе). – *Прим. переводчика.*

3. В оригинале – по-русски немецкими буквами. – *Прим. переводчика.*

4. Министериалы – в средневековой Западной Европе служилые люди короля и крупных феодалов, набиравшиеся преимущественно из несвободных людей и вознаграждавшиеся за свою службу земельными владениями. – *Прим. переводчика.*

5. Написано перед Мировой войной. – *Прим. издателя.*

Рахманов Азат Борисович – кандидат философских наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наш постоянный автор и переводчик.

Т. ПАРСОНС, Р. БЕЙЛЗ, Э. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ*

Глава 5. ФАЗОВОЕ ДВИЖЕНИЕ В СВЯЗИ С МОТИВАЦИЕЙ, ОБРАЗОВАНИЕМ СИМВОЛОВ И РОЛЕВОЙ СТРУКТУРОЙ (Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз)

I. Введение

В этой статье, последней в серии рабочих бумаг, включенных в этот сборник (см. прим. 1), мы пытаемся еще раз проработать наши основные понятия, укрепляя логические связи между ними, устраняя где можно противоречия, выводя новые дедукции и вообще пытаюсь создать более связную и строгую теоретическую структуру, чем мы имели раньше. Вряд ли нужно говорить, что мы не вполне удовлетворены результатами. Имеется много трудностей, которые мешают нам выводить достаточно строгие дедукции; о некоторых из них мы знаем, но есть, несомненно, и много других, на которые, надеемся, нам укажут наши коллеги. Мы рассматриваем эту статью просто как еще одну платформу, на которую можно опереться в работе, и надеемся, что читатель отнесется к ней так же. В частности, можно упомянуть, что были внесены некоторые изменения в терминологию, на что мы в надлежащих местах будем указывать.

Парсонс Толкотт (1902-1979) – американский социолог-теоретик, один из главных представителей структурно-функционального направления в социологии. Основные сочинения: “Социальная система” (1959); “Структура социального действия” (1961); “Экономика и общество” (1964); “Социологическая теория и современное общество” (1967) и др.

* Последняя глава книги. Предыдущие главы см. в т. 6 (вып. 1-2), 7 (вып. 2-3). Перевод выполнен по источнику: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action.* N.Y., L., 1953. P. 163–269.

Мы будем опираться на анализ, проделанный выше в главе 3, используя фундаментальные понятия, развиваемые в нем и в других местах нашей работы. Напомним читателю, что наиболее важные из них – это концепция четырех измерений, соответствующих четырем системным проблемам у Бейлза и определяемых в терминах типовых переменных у Парсонса и Шилза; концепция местоположения (location) и движения; категории взаимодействия Бейлза, которые также сочленяются с понятиями типовых переменных; парадигмы для анализа девиантности и социального контроля, разработанные в предыдущих публикациях Парсонса; и анализ символизма и символического процесса, представленный выше в главе 2.

В нашем анализе поддерживающих свои границы систем, образованных из множества единиц, или «частиц» (particles), мы принимаем четыре основных допущения. Во-первых, мы исходим из *принципа инерции*, состоящего в том, что единица, или «частица», всегда имеет тенденцию двигаться в одном и том же направлении и с постоянной скоростью, если что-нибудь ее не отклонит или не задержит. Что касается поведения единиц в системах, то эмпирически это пограничный случай. Ни в одном конкретном случае системного процесса это постоянство направления и скорости не может быть сохранено на протяжении сколько-нибудь большого промежутка времени, поскольку самую суть понятия системы составляет взаимозависимость единиц. Поэтому принятое в механике понятие *орбиты* будет здесь уместной аналогией. В стабильном состоянии системы единица обычно подчиняется последовательному *паттерну изменений* в направлении по мере того, как ее отношения с другими единицами системы и внешней ситуацией меняются во времени. Эта последовательность может быть колебательной или циклической, а может иметь и какую-то другую форму, но она всегда будет заключать в себе изменения в направлении (и скорости). Кроме того, эти изменения не будут всецело случайными, но всегда будут следовать некоторому паттерну, хотя к этому паттерну могут примешиваться какие-то случайные элементы. Эта концепция орбиты процесса действия является неотъемлемой частью концепции фазового движения, которую мы далее будем подробно обсуждать. Она применима как к единице, так и к системе в целом; последнее различие определяется не конкретной структурой процессов, а выбранными точками отсчета.

Во-вторых, мы исходим из принципа, что *действие и реакция* обычно равны по «силе» и противоположны по направлению. Мы истолковываем этот принцип как одну из версий концепции равновесия системы или как лежащую в ее основе предпосылку. Установление этого принципа,

па, подобно принятию принципа инерции, не означает, что действия и реакции всегда *эмпирически* равны и противоположны; оно предполагает, что там, где они не равны и не противоположны, возникает проблема. Концепция равновесия предполагает, что там, где они не [равны и противоположны], источник этого расхождения – избыток или дефицит «входа» – должен находиться *вне* набора переменных, конституирующего стабильное состояние системы. Так, например, в процессе взаимодействия в малой группе источник расхождения может находиться в ситуационном изменении или в личностной системе одного из членов.

В-третьих, мы принимаем *принцип акселерации*, который утверждает, что изменения в скорости процесса должны объясняться «силами», действующими на рассматриваемую единицу (единицы) или внутри нее (них). Возрастание скорости предполагает «вход» энергии из источника, внешнего по отношению к рассматриваемой единице, а уменьшение скорости – потерю энергии, или некоторого рода «выход» из этой единицы. Целиком эта проблема входа и выхода в отношении систем действия будет рассмотрена после того, как мы получим возможность заложить надлежащие основания для ее обсуждения.

В-четвертых, мы принимаем принцип *системной интеграции*. В нашей интерпретации он означает, что, *независимо* от работы других трех принципов, к системам действия предъявляется императив, требующий, чтобы паттерновые элементы организации их компонентов были совместимы друг с другом, в то же время поддерживая границы системы по отношению к ее внешней ситуации. Если выразиться несколько иначе, последствием продолжения сосуществования несовместимых или конфликтующих паттернов будут в более мягких случаях тенденции к изменению в состоянии и низкие уровни интеграции, а в крайних случаях – распад системы (см. прим. 2). Следовательно, мы полагаем, что инкорпорация нового паттерна, конфликтующего с каким-то уже присутствующим в системе паттерном, – включающая, разумеется, развитие эмоциональных инвестиций в оба из них, – будет активизировать тенденции к разрешению этого конфликта. Самым радикальным разрешением было бы выдавливание того или другого из этих паттернов; но кроме этого могут обнаруживаться различные типы аккомодации и приспособления, приводящие к изменению состояния системы.

Основные ориентиры для подхода к проблеме

Центральное место в нашей схеме анализа занимает понимание действия как *процесса*, происходящего в поддерживающих свои границы *системах*, трактуемых в некоторой заданной схеме соотнесения (frame of reference), или конституирующего такие *системы*. Эта схема соотнесения

включает, прежде всего, четыре измерения, которые мы вывели в главе 3, совместив четыре системные проблемы Бейлза с четырьмя из пяти типовых переменных Парсонса и Шилза.

Два постулата, которые мы обсудили в главе 3 как лежащие в основе антитез между типовыми переменными, означают, что эти измерения образуют не просто список, а *две пары противоположностей*. Следовательно, их порядок не произволен. Напомним, что этими двумя постулатами были, во-первых, постулат *однонаправленности* процесса действия — от мотивационного входа к гратификации — и, во-вторых, постулат независимости адаптивных и интегративных потребностей, который мы теперь истолковываем как входящий в допущение, что мы имеем дело с поддерживающими свои границы системами, или как еще один способ формулировки этого допущения.

Выше мы отмечали, что некий объем мотивационной энергии не может одновременно расходоваться на инструментальный процесс и «приберегаться» для дальнейшего использования: это независимые направления его течения. Соответственно, если такая энергия активируется, она не может быть в равной мере употреблена на манипулирование объектами (включая другие элементы данной системы) в инструментальном смысле и в то же время на выражение установок солидарности или антагонизма с ними. Оба компонента присутствуют, но не могут быть максимизированы одновременно, и именно в этом смысле они антитечны. Это еще одно проявление общих антитез, встроенных в исходную схему типовых переменных, согласно которой ориентация не может быть в одно и то же время максимально универсалистской и партикуляристской или одновременно аффективной и нейтральной.

Мы полагаем, что указанные измерения — это, по существу, важнейшие оси координат, в соотношении с которыми анализируется процесс действия. Мотивационная энергия, входящая в систему из организма, не может работать одновременно во всех возможных процессах, образующих эту систему. Она должна быть специфически *размещена* (located); иначе говоря, необходима ее аллокация в одну или несколько единиц этой системы. Но в каждый данный момент соответствующая единица должна находиться в какой-то определенной точке пространства действия и должна определенным образом двигаться, т.е. изменять свои свойства. Наша параметрическая схема предполагает, что энергия должна либо «накапливаться» в резервуаре, либо «расходоваться» посредством преобразования в гратификацию (удовлетворение). Должен быть баланс между тем и другим, ибо, по определению (если измерения независимы), невозможно, чтобы один и тот же квант энергии шел в двух направлениях

сразу. Подобным же образом существует базовая альтернатива между ориентацией на адаптивные и интегративные потребности. В одном случае предполагается первичность когнитивно-инструментальных компонентов системы ориентации, в другом — [первичность] экспрессивных компонентов, притом что те и другие не могут обладать первичностью одновременно.

В рамках этой параметрической схемы мы, стало быть, мыслим процесс, как он происходит в системе, рассматриваемой в качестве точки отсчета. Эта система работает через взаимодействие своих составных единиц (member units). Каждое изменение в состоянии одной единицы, т.е. в ее местоположении по отношению к любому одному или всем измерениям, в ее энергетическом заряде и т.д., будет воздействовать на все другие единицы в системе, и, в свою очередь, последствия этих воздействий на другие единицы будут возвращаться в виде «обратной связи» к исходной единице. Здесь речь идет о непрерывающемся «круговом» процессе взаимозависимости, анализируемом через понятие равновесия. В силу доминирующей роли символизма в действии, о которой мы так часто говорили, особенно важное значение в механизмах этого взаимозависимого процесса уравнивания и выведения из равновесия мы придаем процессу коммуникации. Двенадцать категорий взаимодействия Бейлза интерпретируются прежде всего как типы коммуникации, рассматриваемые в этой рамочной схеме, и именно через них осуществляются процессы «обратной связи».

Из этих фундаментальных предпосылок четырехмерной схемы и из концепции поддерживающей свои границы системы взаимозависимых единиц мы делаем далее вывод, что системы действия нужно рассматривать как *дифференцированные* системы. Тогда становится ясно, что эта дифференциация будет проявлять себя двумя способами. Процессы, с которыми мы имеем дело, происходят во временном порядке, и, следовательно, системы и происходящие с их единицами процессы мы должны трактовать как изменяющиеся *во* (over) времени. Основные единообразия процесса, проявляющиеся в данный период времени и отличные от тех единообразий, которые во времени ему предшествуют или за ним следуют, мы будем называть *фазами* паттерна действия, и основное место в дальнейшей дискуссии будет отведено обсуждению этих фаз (см. прим. 3).

Дифференциация процесса действия во времени — это один из двух основных способов ее дифференциации. Другой — дифференциация паттернов, относительно постоянных *во* (through) времени. В сущности, можно сказать, что такие постоянства являются повторяющимися элементами в фазовых паттернах процесса, или паттернах его орбиты. Когда мы

говорим, что одна единица дифференцируется от других в отношении лидерства в процессе выполнения задачи, мы не имеем в виду, что она — например, член малой группы — совсем не проявляет активности в социально-эмоциональной сфере; мы имеем в виду, что она в целом проявляет большее количество некоторых типов деятельности, чем другие в группе, и что эти деятельности сосредоточены в определенных фазах системного процесса. Именно эти единообразия паттерна вновь и вновь проявляются в последовательности фазовых движений или их циклах, которые мы называем *структурными* паттернами системы действия. А следовательно, в дальнейшем фазовые паттерны и структурную дифференциацию систем мы будем трактовать как имеющие единый источник в общем характере процесса действия, т.е. как анализы *одних и тех же конкретных явлений*, только увиденных под несколько разными углами зрения.

При обсуждении фаз принципиально важно, однако, помнить о различии между фазами изменения состояния системы как системы, с одной стороны, и каждой единицы системы — с другой. Мы полагаем, что фазы состояния системы необходимо рассматривать как результирующие фазовых изменений в единицах, которые также являются системами. Ни в одной временной точке нет однозначного соответствия между фазой системы и фазами составных единиц. Напротив, в самой концепции дифференцированного системного процесса заложено, что разные единицы должны в любой момент времени оказываться в разных фазах паттернов их процесса. Чтобы ясно зафиксировать это различие, мы позволили себе вольность позаимствовать из механики термин «орбита» для обозначения фазового паттерна единицы системы, в отличие от фазового паттерна системы в целом. Таким образом, орбита — это паттерн последовательно дифференцированных состояний единицы системы, анализируемый под углом зрения нашей параметрической схемы: она сопоставляется и сочленяется, с одной стороны, с фазовыми паттернами орбит других единиц и, с другой стороны, с фазовым паттерном системы как таковой.

Различие между единицей и системой, разумеется, относительно. То, что является единицей с одной точки зрения, всегда может быть рассмотрено как система с другой; такое видение макро-микроскопических связей является основополагающим для всей нашей трактовки действия. Но в рамках этой относительности всегда необходимо ясно понимать, о какой системе идет речь; мы должны ясно представлять, говорим ли мы о системе как таковой, о системе, внутри которой она функционирует, или о системах образующих ее единиц.

Концепции процесса действия и связей между единицами в системах образуют одну основную рамку (framework) для нашего анализа. С

ней связаны, но требуют в известной мере отдельного анализа два набора соображений. Первый относится к основополагающей двойственности системы координат (frame of reference) действия — двойственности, состоящей в том, что каждый феномен действия включает в себе связь актора с ситуацией или объектом. Второй набор соображений касается решающего положения символических процессов в системе координат действия.

Мы постоянно настаивали, что действие — однонаправленный процесс. Это не исключает существования и фундаментальной важности двойственности аспектов этого процесса. Однонаправленный характер процесса мы вывели из природы мотивационной энергии — из того, что она «расходуется» в действии. Мы уверенно полагаем и обсудим несколько подробнее ниже, что существует если не закон сохранения мотивационной энергии, то [по крайней мере] закон «эквивалентности» в том смысле, что эта энергия не просто куда-то исчезает, а «производит» некоторого рода последствия, что происходит уравнивание входа и выхода. Мы считаем, хотя не можем пока это доказать, что это количественный баланс и что в конечном итоге его можно будет свести к числовой эквивалентности. Более того, мы чувствуем, что такой постулат гармонично вписывается в концепцию равновесия, явно занимающую центральное место в нашем анализе, и что принцип эквивалентности действия и реакции, установленный нами в главе 3, является фактически формулировкой этого постулата.

Поэтому в том, что говорится ниже, мы старались подойти к концептуализации этого баланса так, чтобы она согласовывалась с нашим постулатом однонаправленного процесса; с этой целью мы использовали понятия гратификации (gratification) и удовлетворения (satisfaction) для обозначения выходов, которые в любом процессе действия уравнивают мотивационный вход. Но этот аспект нашей концептуальной схемы принимает во внимание только один аспект двойственности актора и объекта. Мы предполагаем, что есть не только процесс создания мотивационных состояний в единицах систем действия вследствие вложения мотивационной энергии в их действие, но должен быть также *процесс* в отношении объектов, и их связи с системой действия должны по ходу действия *меняться* в такой же мере, как и мотивационное состояние акторов.

Весь наш анализ этих проблем сфокусирован на процессах *самих систем* действия и процессах *внутри них*. Поэтому мы сочли нужным провести различие между двумя классами последствий процесса действия, которые принципиально различаются, насколько дело касается вовлеченных объектных компонентов. С одной стороны, мы выделяем изменения в *отношениях* системы или мотивированных единиц в этой систе-

ме с объектами, в том числе с самой системой или одной или несколькими ее единицами как объектами. Этот аспект, придерживаясь терминологии, принятой в «Социальной системе», мы будем рассматривать через категорию «владений» (possessions), подразделяемых на оснащения (facilities) и вознаграждения. Второй класс охватывает *свойства* (properties) системы и составляющих ее единиц как *самих по себе объектов*. Здесь мы говорим о процессах научения в самом широком смысле как о процессах, посредством которых свойства систем действия становятся изменившимися, а о выходе (output) таких процессов – как о «свершении» (accomplishment), в отличие от «достижения» (achievement), ценимых отношений с объектами обладания. Выше мы привели основания, позволяющие считать, что свершение состоит в изменении символического паттерна смысловых компонентов системы действия, который, в случае установления стабильного состояния, мы определяем в отношении личностной системы как «интернализированный», а в отношении социальной системы – как «институционализированный».

Процесс научения – как процесс выхода, противопоставляемый входам мотивационной энергии, восприятия объектов, а также оснащений и вознаграждений как двух первичных категорий владений, – трактуется нами, таким образом, как «противоположный» по направленности процессам мотивационного входа. Это нельзя толковать как отказ от нашего постулата однонаправленности процесса действия. Речь идет о том, что происходит с компонентами, из которых строятся системы действия, о производстве из объектов и предшествующей системы их взаимосвязей нового паттерна этих взаимосвязей, который сам по себе создает новые объекты, ранее не существовавшие.

Процессы исполнения, посредством которых мотивационная энергия преобразуется в gratification и удовлетворение, а также процессы приобретения владений и научения, посредством которых создаются новые объекты и новые объектные отношения, образуют средоточие механизмов процесса действия. В сущности, в этом анализе мы пытаемся дать рамочную схему для более детальных анализов паттернов взаимозависимости, заключенных в процессах действия.

Различение аспектов исполнения и научения в процессе действия служит основой для дальнейшей классификации типов процесса в системах, которая родилась в ходе нашей работы и будет довольно подробно обсуждена ниже. В общем и целом мы считаем, что тот тип анализа, который представил Бейлз в отношении процессов взаимодействия в малых группах, сделав это наиболее развернуто в главе 4, дает модель для типичного процесса исполнения, где первоочередное внимание уделяет-

ся не изменениям в свойствах группы и ее составных ролевых единиц, а выполнению задачи, т.е., в принятой нами здесь терминологии, достижению цели системы. Общий тип анализа, который мы здесь развиваем, может, как нам кажется, быть перенесен из микроскопического изучения малых групп в контролируемых условиях на небольших временных промежутках в сферу изучения крупных социальных феноменов на больших временных промежутках, а если надлежащим образом его модифицировать, то и в анализ личности как системы.

Однако анализ Бейлза пока еще не был перенесен на случаи, в которых прочно устанавливаются порочные круги девиантности, а также на процессы, посредством которых эти порочные круги могут быть развернуты в обратную сторону, [как это имеет место] в процессах терапии и [достигается] посредством других способов социального контроля. Совершенно неожиданным результатом работы, проделанной нами при подготовке к написанию этой главы, стало то, что базовый паттерн фаз, разработанный Бейлзом при изучении малых групп, который выглядит поддающимся генерализации, выходящей за рамки применения к различным типам процессов исполнения, оказался применим с удивительной точностью к базовым процессам социального контроля и социализации, если применять его *в обратном порядке*. Иными словами, паттерны поведения, характерные для позднейших фаз процесса исполнения, а именно разрядка напряжения и подтверждение солидарности, должны присутствовать в ранних фазах процессов социального контроля и социализации; лишь когда развернутся их последствия, становится возможным усвоение (learning) специфического содержания. Можно сказать, что в случае исполнения процессы ориентации на задачу создают социально-эмоциональные напряжения, которые должны развернуться прежде, чем группа будет готова к новой фазе целодостижения. В случае научения, в свою очередь, социально-эмоциональные основания должны быть заложены раньше, чем станет возможным усвоение более специфических ориентаций. Все это будет подробнее проанализировано ниже, в параграфах 2 и 3.

Более детальное обсуждение структуры систем действия мы прибегли для последнего параграфа этой главы. Мы поступили так из желания как можно сильнее подчеркнуть, что структурный анализ не является теоретически независимым от анализа процесса и оперирует теми же фундаментальными компонентами и отношениями, что и он. Прежде всего мы отмечаем, что фазы системного процесса произрастают из тех же корней, что и способы структурной дифференциации систем. Мы сочли, что это решающее положение не будет полностью понятно читате-

лю, если мы не проведем его через весь анализ процесса, прежде чем он столкнется с нашим подходом к анализу структуры системы.

Завершая эти вводные замечания, мы считаем желательным сослаться на трудности представления того типа анализа, который мы здесь приняли. Наше сосредоточение на системах и их свойствах накладывает неустранимые ограничения на адекватность дискурсивного изложения. Мы должны принять некоторую табличную форму, которая даст читателю возможность схватывать взаимосвязи множества факторов одновременно. Но в отсутствие адекватной математической модели всякая выбранная удобная форма с необходимостью включает в себе элементы произвольности, которые очень легко превращаются в искажения. В следующих далее параграфах мы выбрали один такой способ презентации, но, дабы нейтрализовать склонность к реификации этой схемы, мы сочли наилучшим ясно сказать, что она произвольна, что есть много возможных типов моделей, пригодных для [выражения] фундаментальных идей, и что мы с несколькими из них поэкспериментировали и теперь ищем другие. Мы считаем, что на нынешнем этапе развития теории этого типа чрезвычайно важно действовать в этих вопросах прагматично и пробовать разные средства. Только таким образом мы можем уберечься от преждевременной жесткости формулировок, которая может оказаться артефактом метода презентации, а не действительным следствием связей в самом содержании.

Эта проблема касается, в частности, связей между категориями взаимодействия Бейлза и другими компонентами нашей концептуальной схемы, а именно проблемами системы и типовыми переменными, перетолкованными как измерения, категориями входа-выхода, парадигмами девиации и социального контроля и категоризацией структуры. Мы давно поняли, что категории взаимодействия конституируют более детальные «индикаторы» того, что мы считаем ключевыми переменными системы. Теперь мы думаем, что эти индикаторы можно связать с основополагающими переменными не всего одним «правильным» способом, а большим количеством способов. Нужно еще основательно поработать, прежде чем мы сочтем, что можем с уверенностью ограничиться какой-то одной из возможностей и пренебречь другими.

II. Система как точка отсчета

В этом параграфе мы хотели бы остановиться подробнее на важности осознания многообразия возможных системных референций. Мы полагаем, что концептуальная схема теории действия применима ко всему спектру [систем], от поведенческих систем простейших организмов до

сложнейших социальных и культурных систем, а на человеческом уровне — от элементарных процессов научения младенца до процессов исторического изменения в самых сложных обществах. В каждой точке эта схема имеет дело по крайней мере с *двумя* прилегающими друг к другу «уровнями» — уровнем единицы и уровнем системы. Нужно ясно сознавать, является ли «точкой отсчета» для наших понятий *единица* или *система единицы*; в противном случае нам досаждают мелкие семантические двусмысленности, с которыми крайне трудно справиться.

Микро-макроскопический спектр, находящийся в центре нашего внимания в этой статье, отягощен усложнением, заключенным в отношениях между социальными системами и личностями как системами. Поскольку в этой статье нас напрямую интересуют только системы социального взаимодействия, здесь мы откажемся от попыток основательно проработать эту сторону дела, а вместо этого отошлем читателя к ее рассмотрению в работе Парсонса и Шилза «*Ценности, мотивы и системы действия*». Здесь нам нужно лишь подчеркнуть, что мы *не* считаем личность микрокосмом социальной системы, как и, наоборот, общество — «проекцией» личностей его членов. Хотя личности и социальные системы не только взаимозависимы, но и взаимно проникают друг в друга, они являются независимыми системными референциями, ни одна из которых не может быть сведена к другой. Во всей последующей дискуссии это будет приниматься как само собой разумеющееся.

При рассмотрении микро-макроскопических связей точкой отсчета, которую мы пытаемся удержать на протяжении всей статьи и которая должна быть принята при чтении таблиц и нахождении правильных референтов понятий, служит *система*. Каждая система мыслится как образованная из двух или более *единиц*, или *членов*, которые друг с другом взаимодействуют. Система мыслится как помещенная в окружающую (*enviroming*) *ситуацию*. Как правило, каждая единица системы имеет прямой контакт с какими-то частями ситуации, внешней (*enviromental*) для системы в целом, но [при этом], как правило, не со всеми. Аналогичным образом, каждая единица в системе имеет прямой контакт с некоторыми другими единицами этой системы, но не обязательно со всеми. О системе в целом можно говорить, что она изменяет связь со своей ситуацией *только через взаимодействие* ее единиц друг с другом и с внешними для системы сущностями. Аналогичным образом, система мыслится как изменяющая свое внутреннее состояние [тоже] только через взаимодействие ее единиц. На рис. 1 отображена логическая связь этих терминов.

Положение системы относительно ее ситуации описывается в терминах четырех измерений. И наоборот, четыре измерения — это измере-

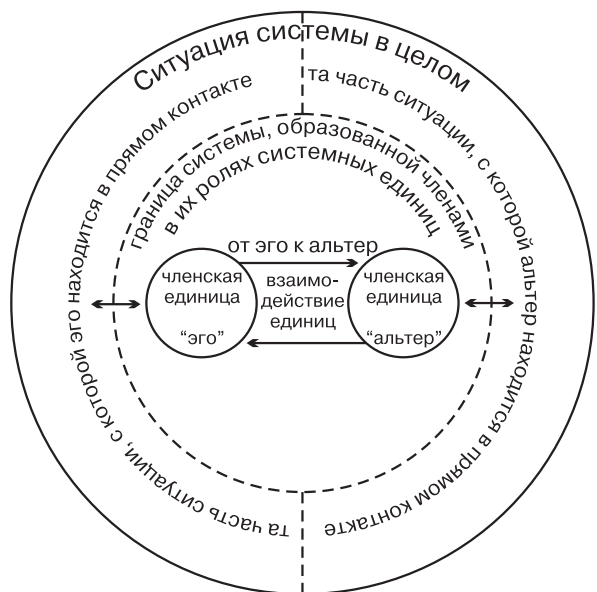

Рис. 1. Система, членские единицы и ситуация

ния, в рамках которых движется *система*. Систему приводят в движение единицы, но их собственные местоположения специфицируются только в аспекте их воздействия на движение системы. Говоря об «адаптации», мы имеем в виду адаптацию *системы* в целом к ее ситуации, достигаемую через взаимодействие членских единиц. Говоря об адаптивно-инструментальной деятельности, мы имеем в виду *взаимодействие* членских единиц, рассматриваемое в плане его значимости для адаптации *системы*. И так далее для каждого из других измерений и типов деятельности. Мы намерены никогда не говорить о единице, не подразумевая при этом существование других единиц, с которыми она находится во взаимодействии.

Важно отметить, что, когда в центр анализа ставится система, член трактуется как *единица*; т.е. единица трактуется как *недифференцированная*, как если бы она не была системой, но как если бы она была *частицей* (particle), и описывается только в ее связи с другими частицами или системой частиц. Эту точку зрения удержать чрезвычайно трудно, если не преодолеть «обыденные» (common sense) мыслительные привычки, ибо другой наш фундаментальный постулат гласит, что все, что бы мы ни выбрали в качестве единицы для некоторого данного анализа, может —

при надлежащем изменении точки отсчета — быть рассмотрено как система, которая сама образована из каких-то членских единиц. Именно исходя из этой посылки мы утверждаем, что концептуальная схема, [принятая нами], применима к широкому спектру микроскопических и макроскопических систем. Но когда эта схема применяется к более микро или макроскопической системе, *точка отсчета меняется*, и вместе с тем меняются эмпирические референты всех понятий и переменных (см. прим. 4). Какую бы отправную точку мы ни брали, всегда будут членские единицы, которые с *этой* точки зрения не анализируются как системы, а трактуются как единицы, или частицы, обладающие некоторыми заданными свойствами, которые не рассматриваются как проблематичные. Удержание этой перспективы составляет *одно* из главных отличий специального теоретического анализа, который мы здесь предприняли, от трактовки того же эмпирического материала с позиций «здорового смысла».

Приведем краткую иллюстрацию. Взаимодействие небольшой группы лиц может быть взято как система, а их взаимодействие — классифицировано в соотнесении с системой, которую они образуют. Именно это делает Бейлз, когда классифицирует деятельности наблюдаемой им группы. Членскими единицами являются лица, выступающие как акторы в этой группе. Лица трактуются как единицы; каждому присваивается идентификационный номер, и отдельные акты атрибутируются тому или иному отдельному лицу *как единице*. Можно сказать иначе: акт *не* атрибутируется какой-то *части* личности, такой, как эго, бессознательное, некая потребность или что-то тому подобное. Такое атрибутирование было бы трактовкой личности как системы на ненадлежащем уровне анализа. Исследователь получает некоторое описание свойств данного лица, или единицы, *позднее*, суммируя его «профиль» — все исполненные им акты, — но на этом этапе анализа не знает, в какой степени профиль является функцией разных частей или потребностей лица, взаимодействующих друг с другом, а в какой степени функцией позиции этого лица в группе. Правильнее всего, если он скажет, что у него есть картина «орбиты», проходимой данным лицом относительно группы, или системного процесса в целом, служащего для него точкой отсчета.

Если кто-то желает объяснить свойства чего-то, прежде трактованного как единица, в иных терминах, нежели его членство в системе, то он *меняет точку отсчета* и теперь уже трактует прежнюю единицу как систему. Скажем, кто-то мог бы захотеть изменить точку отсчета и сосредоточить свой анализ на одном из индивидов как на личностной системе, а не как на носителе какой-то единичной роли (см. прим. 5). Личность будет трактоваться как образованная из некоторого рода членских

единиц, возможно, потребностных диспозиций. В этом случае исследователь будет проследивать связь системы – личности – с ее ситуацией в терминах взаимодействия между потребностными диспозициями, видов задействованных внутренних конфликтов, компромиссов и коалиций между потребностями и результирующей структуры. Он никогда не стал бы говорить о потребностной диспозиции, не предполагая при этом других потребностных диспозиций, с которыми она взаимодействует.

С другой стороны, кто-то может хотеть лучшего понимания поведения в группе, чем возможно добиться при рассмотрении ее как системы на этом уровне, и может для этого перейти на более макроскопический уровень, взяв в качестве точки отсчета систему, являющуюся более широкой организацией, в которой данная группа является частью. В этом случае системой – точкой отсчета – становится более широкая организация, а данная конкретная группа трактуется как недифференцированная единица, находящаяся во взаимодействии с *другими единицами*, образующими более широкую систему. На этом уровне исследователь никогда не стал бы говорить об этой группе, не предполагая при этом, что есть и другие группы (единицы), с которыми она находится во взаимодействии. Когда мы говорим о некоей сущности как о единице, мы, стало быть, абстрагируемся от ее *внутренней* структуры и процессов и относим все наблюдения к единице как таковой. Между тем это не означает, что она, будучи единицей, не обладает *какими-то* свойствами.

В реальном исследовании, разумеется, мы проводим анализ на стольких уровнях, сколько захотим или сочтем нужным, но при этом должны сознавать эти разные уровни и соблюдать полную ясность относительно того, какую системную точку отсчета мы принимаем, когда пытаемся применить эти понятия к своему эмпирическому материалу. Если не сохранять ясность того, на каком уровне мы работаем, каждое понятие будет иметь множественные референты, описания одного и того же референта или элемента поведения будут противоречить друг другу, и итогом станет невыносимая путаница. Например, об одном и том же конкретном акте данного индивида можно сказать, что он имеет *целестроительный* акцент как элемент невротического отреагирования (когда за системную точку отсчета принимается личность индивида), *интегративный* акцент как акт компромисса (когда за системную точку отсчета берется процесс взаимодействия в малой группе) и *адаптивно-инструментальный* акцент как элемент отчета перед вышестоящим начальством (когда в качестве системной точки отсчета берется более широкая организация). Это всего лишь означает, что нашим единственным способом описания поведения в этой концептуальной схеме является [описание

его] в *реляционных* терминах – т.е. в связи с той или иной системой, взятой в качестве точки отсчета. Если хочется провести замеры исходя из нескольких точек отсчета, необходимо понимать, что этим замерам свойственно различаться.

Теперь нужно привести тесно связанное [с уже приведенным], но не идентичное [ему] общее утверждение, состоящее в том, что, когда мы говорим о системе, неизбежно предполагается некоторый *временной отрезок*. Систему образует взаимодействие единиц, а это значит, что некоторый процесс действия и реакции единиц должен завершиться, прежде чем можно будет дать описание любого *состояния* системы в целом или любого изменения в этом состоянии. Это важно для понимания рисунков и схем, приведенных ниже. Есть некоторый предполагаемый временной отрезок, и клетки, описывающие разные фазы системы, имеют не только [общую] точку отсчета, которой является система, образованная из членских единиц, но также темпоральную связь друг с другом. Если допустить, что в качестве логического минимума для конструирования наших категорий нам придется принимать во внимание как минимум две членские единицы, то отсюда, видимо, следует, что наш временной промежуток должен будет заключать в себе *по крайней мере* четыре темпорально различных сегмента: 1) сегмент, в течение которого система описывается как латентная структура, потенциально готовая каким-то образом функционировать; 2) сегмент, в течение которого действует одна членская единица; 3) сегмент, в течение которого реагирует другая членская единица; 4) сегмент, в течение которого система описывается в терминах ее итоговой латентной структуры, возможно, изменившейся тем или иным образом по сравнению с ее прежним состоянием. Стадий взаимодействия, расположенных между двумя латентными сегментами, в реальности будет, вероятно, гораздо больше, чем две, только что названные в качестве минимума. Что мы хотим здесь подчеркнуть, так это единственно то, что процесс проходит во времени полный цикл и, даже если содержание латентного состояния в конце отличается от того, которое было в начале, оба латентны. Следует подчеркнуть, что второе латентное состояние совершенно не обязательно является финальным состоянием рассматриваемой системы или подсистемы. Цикл между латентностью (1) и латентностью (4) представляет собой микроскопическое колебательное движение в рамках макроскопического движения, которое, в свою очередь, тоже может проявлять эту колебательную тенденцию.

Экспозиция приводимых ниже таблиц начинается с некоторого рода «входа» в латентной клетке, [и далее] процесс прослеживается через другие три фазы, включающие действия и реакции членских единиц, вплоть

до того или иного «выхода» как некоторого результата, возвращающегося опять-таки в латентную клетку. Иначе говоря, временные сегменты 1 и 4, описанные выше, оба представлены в латентной клетке, а другие клетки на рисунках описывают события во временных сегментах 2 и 3. Читателю следует обратить особое внимание на то, что четыре временных сегмента, описанных выше, *не* могут быть приведены в однозначное соответствие с четырьмя клетками, представляющими фазы движения системы. На латентную клетку возлагается «двойная обязанность» представлять состояния как «до», так и «после». Должно быть ясно, что любой конечный набор понятий, конструируемый в расчете на применимость к бесконечному однонаправленному процессу эмпирических событий, должен будет в какой-то точке пренебречь временными различиями и трактовать конец какого-то ряда событий как начало нового цикла, в чем-то сопоставимого с предыдущим.

Таким образом, хотя в первой половине этого параграфа мы обсуждали системные референции так, как если бы они касались только взаимосвязей между единицей и системой в данный момент времени, понятие системной референции применимо и на межвременной шкале. Это, по сути, дальнейшее усложнение более элементарной проблемы системной референции. Есть проблемы системной референции, вытекающие из одновременного сосуществования единиц, включающих их подсистем и еще более широких их систем, но точно так же есть и проблемы системной референции, связанные с тем, что единицы, подсистемы, системы и т.д. выстраиваются во временном измерении, так что число и свойства единиц остаются на всем протяжении [временного отрезка] относительно постоянными. Многие макроскопические проблемы не являются проблемами крупномасштабной системы, обладающей более крупной и дифференцированной структурой; многие из них — прежде всего проблемы межвременной системной референции. Микрофазовые движения единиц или систем встроены в макрофазовые движения разных порядков включительности (orders of inclusiveness). Такая система, как малая группа или семья, имеет свою характерную последовательность фазовых движений в течение одного часа. Она имеет свои характерные более продолжительные фазовые движения на отрезках времени длиной в неделю, месяц, год и больше (см. прим. 6). Каждая более включительная, или макроскопическая фаза образуется из серии микрофазовых движений; при этом орбиты единицы или системы в микрофазе имеют формы, коррелирующие с макрофазой. Однако однозначной корреляции между отдельными фазами на более микроскопических и макроскопических уровнях нет. Фактически, пока система находится в данной макро-

фазе, ее временные подсистемы скорее всего будут проходить через целую серию микрофазовых циклов.

Мы будем составлять наши описания иногда в терминах малой группы как системной точки отсчета, иногда в терминах более крупных организаций, образованных из групп как членских единиц, иногда в терминах личностей, иногда в терминах более протяженного временного отрезка, иногда в терминах очень короткого временного отрезка наблюдения. Некоторые идеи легче понять на одном уровне, чем на другом, и, в целом, мы будем стараться идти самым простым путем. Мы намерены предупредить читателя, когда будем менять системную точку отсчета, однако вполне допускаем, что сами наделали в этой связи немало ошибок, и вряд ли можем надеяться, что все они были устранены.

III. Фазы и их связь с типовыми переменными

В главе 3 говорилось, что имеется некоторое внутреннее сходство между альтернативами установочных типовых переменных (у) и типовых переменных ориентации на объект (о). Мы имеем следующие [четыре пары]:

1. Аффективность (у) — Исполнение (о)
2. Нейтральность (у) — Качество (о)
3. Специфичность (у) — Универсализм (о)
4. Диффузность (у) — Партикуляризм (о)

Их мы определили как измерения пространства действия. По-видимому, есть еще второй набор соединений (affinities) между альтернативами типовых переменных, когда они группируются через границу «установка—объект». Это следующие [пары]:

1. Специфичность (у) — Исполнение (о)
2. Аффективность (у) — Партикуляризм (о)
3. Диффузность (у) — Качество (о)
4. Нейтральность (у) — Универсализм (о)

В работе, увенчавшейся написанием данной статьи, эта вторая группировка приобрела значимость, которую мы, когда писали главу 3, еще не сознавали. Можно упомянуть два аспекта этой значимости, которые будут постоянно фигурировать в дальнейшем обсуждении. Во-первых, комбинации компонентов из двух измерений имеют отношение к *порядку* фазовых процессов. Например, адаптивное измерение (в терминах типовых переменных, специфичность—универсализм) является, как мы увидим, средоточием адаптивной фазы. При этом связь специфичности с исполнением указывает направление перехода к последующей фазе целедостижения, а связь универсализма с нейтральностью указывает на связь с предшествующей фазой латентности. Во-вторых, эти комбина-

ции важны для анализа направлений, в которых протекают процессы образования и интеграции символов в ходе научения. Оба аспекта их значимости будут разобраны ниже.

Есть и другие логические и эмпирические возможности группирования через границу «установка—объект», однако в них, видимо, нет того внутреннего сродства, которое можно различить в двух вышеназванных наборах кластеров, особенно в первом.

Сопоставляя эти два упорядочения, мы видим, что каждая *установочная* переменная связана с двумя разными категоризациями *объектов*. (Например, в первом упорядочении специфичность связана с универсализмом, а во втором — с исполнением.) Точно так же каждая категоризация *объектов* соединяется с двумя *установочными* переменными. (Например, универсализм соединяется со специфичностью и нейтральностью.) Эти четыре переменные, таким образом, образуют кластер, состоящий из двух установочных описаний и двух объектных описаний. Комбинируя этим способом два вышеприведенных упорядочения, мы получаем четыре таких кластера:

(1) Специфичность (у) — Нейтральность (у) — Универсализм (о) — Исполнение (о).

(2) Аффективность (у) — Специфичность (у) — Партикуляризм (о) — Исполнение (о).

(3) Диффузность (у) — Аффективность (у) — Партикуляризм (о) — Качество (о).

(4) Нейтральность (у) — Диффузность (у) — Качество (о) — Универсализм (о).

Выведенные таким образом кластеры типовых переменных определяют фазы системы, служащей для нас точкой отсчета. Чтобы получить рис. 2, мы визуализируем внутри каждой клетки кластеры типовых переменных, даем каждой клетке подходящее название и выносим обозначения типовых переменных за пределы таблицы. Описание каждой клетки через типовые переменные прочитывается тогда путем соотнесения со строкой и колонкой, которым она соответствует. Тем самым четыре фазы определяются через связанную с ними явную (*overt*) деятельность, тип ориентации на объекты и тип установки:

Фаза А = Адаптивно-инструментальная деятельность, связанная с фазой максимальной *Адаптации*. Ориентации на объекты свойственны *Универсализм* и *Исполнение*. Установке свойственны *Специфичность* и *Нейтральность*.

Фаза G = Экспрессивно-инструментальная деятельность, связанная с фазой максимальной *Интеграции* системы (см. прим. 7). Ориентации

на объекты свойственны *Исполнение* и *Партикуляризм*. Установке свойственны *Аффективность* и *Специфичность*.

Фаза I = Интегративно-экспрессивная деятельность, связанная с фазой максимальной *Интеграции* системы (см. прим. 8). Ориентации на объекты свойственны *Партикуляризм* и *Качество*. Установке свойственны *Диффузность* и *Аффективность*.

Фаза L = Символично-экспрессивная деятельность, связанная с фазой максимальной *Латентности*. Ориентации на объекты присущи *Качество* и *Универсализм*. Установке свойственны *Нейтральность* и *Диффузность*.

Связи этих переменных друг с другом показаны на рис. 2; там же даны несколько более расширенные описания природы процесса, характерного для каждой фазы. Можно увидеть, что каждая фаза определяется некоторой заданной комбинацией четырех альтернатив типовых переменных, из которых две относятся к способу категоризации объектов в деятельности, соответствующей данной фазе, а две — к типу установки, принимаемой в этой фазе по отношению к объектам. Также можно увидеть, что пары типовых переменных, бравшиеся для характеристики каждого из измерений в главе 3, предстают здесь в той же парной форме.

«Фазу» можно рассматривать как изменяющееся состояние системы на протяжении некоторого временного интервала, когда ее движение в некотором данном измерении максимизируется относительно ее движения в трех других измерениях. Фазы *технически* описываются через спецификацию направления и количества движения, происходящего в течение данного временного интервала в *каждом* из четырех измерений, но в целях удобства именуется в терминах того измерения, в котором происходит основное движение. Акт понимается как оказывающий своего рода направляющее воздействие на движение системы и, таким образом, может быть описан через направление движения системы, которое он обнаруживает (см. прим. 9). Можно наглядно представить ряд «чистых типов», совпадающих с точками максимума [соответствующих] фаз. Категории взаимодействия Бейлза описываются далее таким образом. С другой стороны, данный акт может содержать ощутимые компоненты более чем одной фазы и тем самым иметь тенденцию «толкать систему» к новой фазе. Как мы позднее увидим, этот случай очень важен для анализа девиации и социального контроля.

Проблемы системы, как они описываются в предшествующих статьях, можно мыслить как проблемы максимизации движения системы в *каждом* из четырех измерений. Поскольку преобладания всех фаз в одной временной точке достичь невозможно, система проходит через фазы,

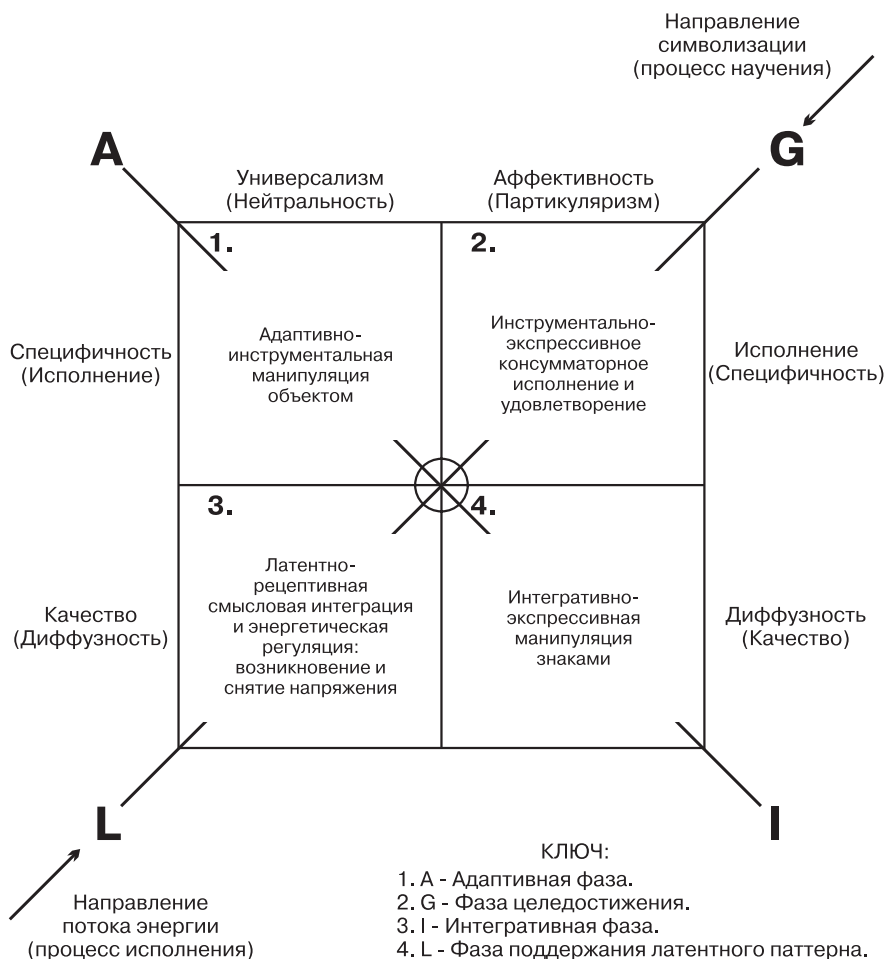

Рис. 2. Фазы связи системы с ее ситуацией

или временные циклы, в которых сначала преобладает одно направление движения, а затем другое. Явные (overt) акты, таким образом, «обращены к» решению проблем системы, или «ассоциированы с» ним, и частотой своего проявления удерживают систему в данных фазах и перемещают систему из одной фазы в следующую. Эти типы явного действия, или категории взаимодействия, отличаются характерными типами установок, которые могут быть описаны через типовые переменные. Как мы

видели, через типовые переменные описываются также и измерения. Стало быть, эти классификации связаны друг с другом теснейшим образом и даже, на наш взгляд, описывают просто разные аспекты одного и того же. Теперь опишем каждую фазу чуть подробнее.

А. Адаптация. Успешная адаптация подразумевает (а) аккомодацию системы к непоколебимым «требованиям реальности»; (б) активное преобразование внешней для системы ситуации. В обоих случаях неизбежен акцент на когнитивной ориентации. Конечное овладение внешней ситуацией посредством инструментальной деятельности обуславливает необходимость «реалистических» суждений в терминах генерализованных предсказаний относительно поведения объектов. Поэтому отношение акторов к объектам с необходимостью должно быть *универсалистским*, т.е. [заключать в себе] осознание характеристик объекта в связи с другими объектами или [осознание его] как члена класса объектов с предсказуемыми характеристиками. Более того, если ситуацией надо именно «овладеть», а не просто к ней «аккомодироваться», то нужно воспринимать эти универсалистски определенные свойства и работать с ними в специфических контекстах релевантности данным целевым интересам. Следовательно, для установки обычно характерна *специфичность* интереса.

Инструментальная деятельность включает некоторого рода манипуляцию объектами, которая изменяет их связь друг с другом, в отличие от просто аккомодационных изменений системы как актора по отношению к ним. Связи объектов друг с другом не будут меняться желаемым образом, если они на самом деле не соединены друг с другом некоторой более или менее определенной «причинно-следственной» связью. В инструментальной деятельности актор манипулирует объектами и отношениями, видимыми как «причины», с тем, чтобы добиться некоторых «следствий». Поэтому для акторов акцент в ориентации на объект имеет тенденцию падать на «операциональное определение» объекта, на то, какие следствия он производит или произведет, когда актор данным образом им манипулирует. В социальном взаимодействии в число этих объектов входят, конечно же, люди, рассматриваемые в аспекте того, что они делают, как они исполняют, что они могут или будут делать; наряду с исполнением альтер, сюда входит и исполнение эго. В нашей терминологии это ориентация на объект в ракурсе его *исполнения*. Наконец, в этом контексте там, где цель еще не достигнута и где некто должен обращаться с объектами «реалистично», необходимо сдерживать аффективные, или эмоциональные реакции на объекты, дабы избежать отвлечения на другие цели, неподходящего выбора способа обращения с объектами и преждевременного затухания инструментальных усилий. Поэтому установка обычно

отмечена некоторой сдержанностью, или *нейтральностью*, при которой аффект в какой-то степени нейтрализуется.

Г. Целевая gratификация, или достижение целевого состояния. В фазе целедостижения две характеристики остаются теми же, а две меняются. Интерес к объекту остается все еще сегментарным, или *специфичным*, и он все еще видится в ракурсе того, что он делает для удовлетворения потребности, т.е. с точки зрения *исполнения*. Но две другие переменные меняются.

Достижение цели по самой своей природе предполагает деятельность, приносящую удовлетворение. Это кульминационная фаза последовательности подготовительных деятельностей. Любые предшествующие инструментально-адаптивные деятельности были связаны с торможением тенденций к преждевременной gratификации, т.е. осуществлялись с установкой нейтральности. Теперь, когда вот-вот должны осуществиться кульминационные деятельности, торможение gratификации приостанавливается, и деятельность по итоговому достижению цели наполняется *аффективностью*. Аналогичным образом и связь с объектом не тяготеет более к универсализму, к озабоченности реалистическим предсказанием дальнейших последствий или связи с другими объектами. На место этого приходит *партикуляризм*, где объектом становится целевой объект, подлежащий овладению, потреблению, использованию, оцениванию, и где важное значение имеет его партикулярная связь с эго.

И. Интеграция. Фазу интегративной деятельности с фазой достижения цели (как и последнюю с адаптивной) связывает обладание двумя общими характеристиками, при изменении двух других. Установка в отношении объекта *аффективно* окрашена; связь с объектом является *партикуляристской*. Успешная интеграция предполагает определенное множество (set) связей между членскими единицами системы, при которых она сохраняет и укрепляет свою способность поддерживать границу себя как единой сущности. Экспрессивная деятельность, связанная с интегративной проблемой, предполагает проведение различия между социальными объектами, которые являются членами системы, и [социальными объектами], которые ее членами не являются, или, в отношении несоциальных объектов, [между] теми, которые являются владениями, и теми, которые не являются ими. Она предполагает генерализованную и длительную аффективную привязанность к членам системы — вместо универсалистской оценки свойств, разделяемых [ими] с не-членами. Поэтому связь с объектом отмечена партикуляризмом и аффективностью.

Однако характерный для фазы целедостижения специфичный интерес к специфическим целям уступает в интегративной фазе место диффузному интересу, и объект начинает рассматриваться не в терминах его

специфичного исполнения в связи со специфической целью, а в терминах его диффузного, или глобального качества. Партикуляристская привязанность к объекту, выносящая на передний план его членство в той же системе, членом которой является эго, а не его специфическую роль или статус в этой системе, предполагает целую взаимосвязанную констелляцию общих для них интересов. Элементы более специфичного интереса, [заключенные] в этой привязанности, которые должны, конечно, функционировать в любой интегрированной системе, расцениваются как второстепенные. Эго привязано к альтер именно в его диффузном качестве члена системы, а не как к обладателю специфического статуса или исполнителю специфической роли. Стало быть, установка характеризуется *диффузностью*, а важным в объекте является его *качество*.

Л. Латентность. В периоды приостановки взаимодействия, дабы система могла восстанавливаться, действует императив поддержания мотивационных и культурных паттернов. В течение такого периода они пребывают, можно сказать, в состоянии латентности, в том смысле, что не являются столь позитивно и зримо наглядными, какими они становятся, когда система находится в активном взаимодействии. Тем не менее, пока группа сохраняет свою жизнь, они функционируют. В своей латентной фазе они функционируют прежде всего как ограничения, накладываемые на приверженности другим системам действия, которые могли бы в противном случае воспрепятствовать частично или полностью реактивации системы.

Если сформулировать несколько иначе, система сталкивается как с предпосылкой продолжения собственного существования с необходимостью сохранения и восстановления мотивационных и культурных паттернов, которые являются неотъемлемой частью ее взаимодействия как системы. Это предполагает как их удержание в состоянии латентности, так и, при определенных условиях, их выражение. Более того, последнее включает в себе выражение мотиваций и культурных паттернов, неотъемлемо присущих как системе, так и ее единицам. Эти единичные (unit) мотивации и культурные паттерны могут сами по себе находиться в конфликте с мотивациями и паттернами, присущими системе, но периодическое их выражение обычно служит предпосылкой продолжения, или возобновления, функционирования системы.

Поддержание мотивационных и культурных паттернов необходимо, однако, не только тогда, когда система находится в состоянии приостановки (suspension), или спада активности, но и тогда, когда преобладает какая-то особая фаза действия. Так, в фазе интегративного преобладания когнитивные паттерны, свойственные деятельности в фазе А (адап-

тивно-инструментальной), будут находиться в подвешенном, т.е. подчиненном состоянии; и наоборот, в фазе адаптивно-инструментального преобладания в подвешенном состоянии будут находиться катектические паттерны привязанности к объекту; в этом особом смысле латентная фаза присутствует, стало быть, в любой активной фазе взаимодействия. Системная проблема поддержания или восстановления паттерна в ситуации активного взаимодействия имеет определенное сходство с проблемой сохранения системы во время приостановки взаимодействия. Она может быть даже открыта для интерпретации в части того, не следует ли нам рассматривать ее как латентную фазу единицы системы, трактуемой в качестве подсистемы. Схожим образом символическое выражение паттерна в латентной фазе системы можно рассматривать как фазу целевой графикации единицы в ее подсистемном процессе.

Латентная фаза есть фаза относительного покоя «до» и «после», [покоя] по сравнению с промежуточными фазами цикла. Можно было бы сказать, что она характеризуется «бездействием» (см. прим. 10), но это дело сугубо относительное. Точнее будет сказать, что это фаза отсутствия наблюдаемого взаимодействия между единицами как членами системы, взятой за точку отсчета. Однако единицы этой системы сами являются системами и обладают внутренней активностью; в них создается и сбрасывается напряжение, поддерживаются и консолидируются паттерны и т.п. Хотя взаимодействие между членскими единицами минимально, могут происходить экспрессивные акты, которые можно толковать как индексы субъективного состояния, или латентного паттерна, членской единицы как мотивированной сущности, а через нее — и самой системы. Эти экспрессивные акты являются экстернализацией внутреннего мотивационного состояния единицы в отношении некоторого катектируемого объекта. Эти акты не направлены на последствия для системы. Поскольку речь идет о единице, важно ее обособленное качественное состояние. Хотя, как непосредственно наблюдаемые, такие акты влекут физическое движение, а иногда даже крайности физического движения, они не конституируют движения той системы членских единиц, которая является точкой отсчета. Таким образом, пока не происходит взаимодействия членов, эти акты не движут систему к системной адаптации, системному целедостижению или системной интеграции, а оставляют ее в том же латентном паттернированном состоянии.

Однако подобные внутренние состояния членских единиц — латентные паттерны — в предшествующем процессе своего формирования посредством научения предполагали явную (overt) деятельность в отношении других членских единиц и внешних объектов. Следовательно, латент-

ное состояние является «объектно-ориентированным». Об этом говорит то, что экспрессивные акты могут вызываться в присутствии [как] изначально катектированных внешних объектов, [так] и какого-то знака или символа, [под воздействием которого] актер внутренне их визуализирует. Важным в объекте является не то, что он *может* сделать, если правильно им манипулировать, а скорее то, что он уже *делает* с эмоциональным состоянием актора через те ассоциации, которые он [в себе] несет. Иными словами, ориентация на объект осуществляется прежде всего в терминах его *качества*. В этом фаза L схожа с фазой I. Вторая характеристика, которую она разделяет с фазой I, — это *диффузный* характер многих интересов, которые могут вовлекаться в дело, ставиться под угрозу или подталкивать к целевой графикации.

Однако, в отличие от фазы I, внутренняя деятельность членских единиц в латентной фазе отмечена *нейтральностью*, а не свободно высвобождаемым аффектом. С точки зрения значимости для системы, первичной особенностью латентной фазы является латентный запас паттернированного, но сдерживаемого (inhibitional) мотивационного потенциала. Он образует фонд то нарастающего, то спадающего напряжения, доступный для утилизации в действии. Отсюда латентную фазу характеризует сдерживание установки, или осторожная нейтральность, которая, однако, может перейти в аффективность посредством снимающей напряжение деятельности как своего рода «предохранительного клапана». Между тем даже в этих случаях прорыва аффекта функцией экспрессивных актов часто оказываются консервация и регулирование энергии в соответствии с латентным паттерном, а не просто «расход энергии», или сброс напряжения. Латентная фаза разделяет характеристику сдержанной нейтральности с адаптивной фазой, к которой система может далее перейти. Также она разделяет с этой фазой характеристику *универсалистской* ориентации на объекты, а это значит, что значение объекта «интернализировано» — [т.е.] знаки и символы, которые его замещают, когнитивно и аффективно увязаны со знаками и символами, замещающими другие объекты, и вся констелляция символов и значений образует взаимосвязанную генерализованную символическую структуру. Объект видится в [его] связи с ассоциированными [с ним] объектами, а манипуляции с ним осуществляются как по логическим правилам, так и в соответствии с градиентами катектической генерализации. Объект, в том числе система и ее единицы как объекты, является одним из некоторого класса объектов, тем или иным образом эквивалентных ему, а это признак универсалистской ориентации. Этот вид «интернализации» есть не только характеристика латентности, но и фактически ее предпосылка.

Фазы, которые мы описали, — не просто описания разных возможных состояний системы. Между ними есть определенные динамические отношения, как следствие однонаправленного течения мотивационной энергии. Системам свойственна общая тенденция двигаться к фазе G (целестожения) либо через фазу A (адаптивную), либо через фазу I (системно-интегративную). После затянувшегося действия в одной фазе системная экономия требует перехода к другой фазе для восстановления баланса системы и решения системных проблем, оставшихся без внимания при нахождении системы в предшествующей фазе.

Из эмпирических исследований, подобных тому, о котором сообщается в главе 4, были получены некоторые генерализации фазовой последовательности. Последовательность, используемая нами здесь в качестве демонстрационной модели, по-видимому, в целом применима как на микроскопических, так и на макроскопических уровнях в самых разных содержательных контекстах. Вместе с тем эта модель фазовой последовательности не обязывает нас к утверждению о невозможности каких-либо других фазовых последовательностей. Напротив, они несомненно есть, и в последующих параграфах о *терапии* и *социализации* мы работаем с некоторыми перевернутыми формами (reversals) этой модели. Что мы единственно утверждаем, так это что есть динамические отношения между фазами в том порядке, в котором мы их представили. Эта *особая* динамическая связь, видимо, обусловлена тем, что каждая из фаз обладает некоторыми установочными или объектно-ориентационными сходствами или последствиями в отношении смежных с ней фаз. Эти последствия имеют, на наш взгляд, тенденцию быть одним из факторов перехода системы от одной особой фазы к другой. С другой стороны, есть еще один очевидный фактор, [состоящий] в том, что плотная концентрация деятельности в одной фазе — скажем, адаптивной — имеет тенденцию создавать особенно острые дефициты в «противоположной» ей фазе, в данном случае интегративной. Эта тенденция противоположных фаз чередоваться в быстрой последовательности (succession) обнаруживается в последовательностях (sequences) от-акта-к-акту, наблюдаемых на том уровне, который схватывается категориями взаимодействия Бейлза. В главе 4 приведены данные, показывающие, что мнение (классифицируемое как связанное с адаптивной проблемой; см. ниже) быстро чередуется с согласием и несогласием (классифицируемые как имеющие связь с интегративной проблемой; см. ниже). Последовательность фазовых акцентов на протяжении встречи, описываемая в главе 4, обычно идет от *адаптации* (акцента на ориентации) к *целестожению* (акценту на предложениях и разрядке напряжения) и, на последней минуте, к *интеграции* (акценту на

солидарности). Мы полагаем, что эмпирический порядок фаз зависит как от внутренних динамических взаимозависимостей, так и от соотношения (balance) и флуктуации входов извне системы; а, стало быть, регулярные фазовые движения есть своего рода пограничный случай, зависящий от необычной стабильности входов, относительной замкнутости системы и некоторого множества других факторов. По всей вероятности, фазовые паттерны будут также обычно отличаться в зависимости от места системы в микро-макроскопической временной шкале, а также в зависимости от некоторого числа неизвестных факторов, таких, как «легкость коммуникации» между единицами в системе, число единиц и т.д. Несмотря на эти оговорки, мы в целях [ясности] изложения будем продолжать трактовать фазовое движение $A \rightarrow G \rightarrow I \rightarrow L$ как удобную «идеализированную» модель.

Вышеприведенное схематичное изложение предлагает решение одной терминологической проблемы, которая долгое время нас мучила и, как очень часто бывает, скрывала от глаз — теперь мы это видим — существенное затруднение. Речь идет об употреблении терминов «инструментальный» и «экспрессивный». Термин «инструментальный» проявлял тенденцию к *одновременному* охвату того, что мы называли прежде, в смысле измерений [пространства действия], адаптивным и инструментальным, оставляя без подходящего термина состояние целевой гратификации; нечто подобное произошло также с термином «экспрессивный» и тем, что мы называли прежде, в смысле измерений [пространства действия], интегративным и экспрессивным.

В главе 3 мы использовали эти термины для выделения двух из четырех системных проблем, которые также определялись как измерения, образуемые сочетанием компонентов типовых переменных: соответственно [комбинацией] исполнения—аффективности и [комбинацией] качества—нейтральности. В то же время мы использовали эти два термина для обозначения широких тенденций «направленности» в ориентации действия, а именно: инструментальной — как связанной с интересом к достижению специфических целей, соотносящихся с адаптивными нуждами; и экспрессивной — как связанной с «прямым» отреагированием потребностной диспозиции, или интернализированного паттерна, без соотнесения с целевым состоянием, требующим адаптивной манипуляции как средства для его достижения.

В дальнейшей дискуссии мы предлагаем попытаться избежать путаницы, зарезервировав эти два термина для последних значений. Следовательно, мы будем говорить о четырех измерениях как об измерениях адаптации, целевой гратификации, интеграции системы и поддержания

латентного паттерна. Теперь эти термины встанут на место того, что мы подразумевали прежде под «четырьмя системными проблемами», как их назвал Бейлз. Подытожим это в форме таблицы:

Адаптация – у Бейлза «адаптивная проблема» (универсализм–специфичность).

Целевая gratификация – у Бейлза «инструментальная проблема» (исполнение–аффективность).

Интеграция – у Бейлза «интегративная проблема» (партикуляризм–диффузность).

Поддержание латентного паттерна – у Бейлза «экспрессивная проблема» (качество–нейтральность).

Термин «целевая gratификация», в общем-то, сам себя объясняет, а термин «латентность» подчеркивает изменчивость, определяемую тем, что мотивация и паттерн, с одной стороны, удерживаются в резерве, а с другой – прорываются в действие. Это согласуется с употреблением термина «нейтральность» (в смысле типовой переменной) как одного из ее обозначений.

Целевая gratификация и латентность обозначают, таким образом, антитетичные, т.е. *независимые направления* распоряжения мотивационной энергией, входящей в систему. Инструментальное *использование* этой энергии репрезентирует, стало быть, *переход* от латентности к целевой gratификации, или инвестиции, *через* адаптивные процессы. В свою очередь, термин «экспрессивный» обозначает разрядку [этой энергии] безотносительно к адаптивным нуждам; но, учитывая феномен экспрессивной коммуникации и его связь с проблемой порядка, это процесс, в особенности связанный с интегративными нуждами.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Примечания

1. Может быть, полезно будет еще раз сказать, что статьи в этом сборнике напечатаны в том историческом порядке, в котором они были написаны.

2. В главе 3 мы указали, что этот принцип системной интеграции является более общей формулировкой того, что подразумевается в психологии под «законом эффекта». Здесь мы бы предположили, что в основе своей он тождествен «естественному отбору», как этот принцип используется в современной биологической теории, и что важность его яв-

ляется следствием существования систем, поддерживающих свои границы (свойства, общего для организмов и систем действия).

3. Эмпирический анализ фаз в малых группах можно найти в главе 4.

4. Читатель заметит, что применение теории механики подчиняется, в логическом плане, точно такой же процедуре.

5. Мы подчеркиваем, что «личность» как *целостная* система циклов действия–реакции *не* является более микроскопической системой, чем малая группа в *единичном* цикле действия–реакции. Спектр от микро- к макроскопическому, с нашей точки зрения, подразумевает временной промежуток, требующийся для того, чтобы какой-то релевантный цикл действия–реакции системы совершился, и число членских единиц, которые необходимо принимать во внимание.

6. Феномены, о которых мы говорим, рассматривались исследователями деловых циклов под такими названиями, как «длинные волны» и «короткие волны». Ср.: *Schumpeter J. Business Cycles*.

7. Здесь в оригинальном тексте опечатка. Речь должна идти о целедостижении, а не о системной интеграции. – *Прим. перев.*

8. Интеграция системы ограничивается здесь от интеграции «паттерна», которая имеет центральное значение для анализа на *культурном* уровне. В этой статье, при отсутствии специальных уточнений, термин «интеграция» будет обозначать интеграцию системы.

9. Как нам кажется, это лежит в основе (часто произвольного) приписывания акту «функциональной значимости». Эту произвольность обычно можно отнести на счет неадекватных спецификаций системных референций.

10. Как станет видно позднее, этой фазе не приписывается никаких типов явного (overt) взаимодействия.

Продолжение следует